

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АДАПТАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ КЫРГЫЗОВ

Процесс адаптации в сфере культуры происходит в форме аккультурации, т.е. изменения культуры, в ходе которых усваиваются новые элементы и образуются новые. Кыргызскому этносу длительное историческое время удавалось сохранять свою культурную самобытность и все то, что связано с данной самобытностью, благодаря кочевому образу жизни, который позволял избегать и процесса аккультурации. Непостоянные, спорадические культурные связи с другими этносами способствовали тому, что кыргызы замыкались на собственной культуре, благодаря чему сохранялся и определенный психологический тип.

По причине низких производственных возможностей индивид, принадлежавший в кочевой общине, состоявшей главным образом из родственников, целиком зависел от нее. Адаптация личности, в том числе психологическая, происходила внутри социокультурного пространства общины, вне которой личность была обречена. К тому же, к родственникам по естественным причинам приспособляться было значительно легче, чем к каким-либо другим людям. В психологии кыргызов традиционного общества индивид растворялся в коллективе, был минимально самостоятелен и целиком подчинен общинным нормам и ценностям. Коллективные представления и идеи господствовали над отдельным, индивидуальным, обеспечивая таким образом выживание как общины в целом, так индивидов, ее составлявших.

С другой стороны, определенные обстоятельства способствовали развитию индивидуалистических начал в общине. Частые войны с соседями, которые нашим предкам приходилось вести, суровый климат были благоприятной почвой для развития самостоятельности индивидов. Воин, а таковым мог быть практически любой здоровый мужчина общины, с необходимостью должен был брать на себя ответственность за жизнь своих сородичей как при относительно частых военных действиях, так и в хозяйственной деятельности.

Однако осознание причастности и важности поддержания раз и навсегда установившегося порядка, который подвергался сакрализации, определяло конечные цели и главный смысл действий индивида, обуславливали перспективу его житейских успехов, которые не мыслились индивидом вне социума. Зависимость индивида от общины воспринималась им как благо. Индивидуализм, способный разрушить общину, естественно, никоим образом не мог поощряться. В случае же вступления в какие-либо контакты с другими социумами, этносами община, по всей видимости, склонна была действовать как коллективный индивид. Такая форма взаимодействия с теми, кто не входил в общину, безусловно, значительно понижала адаптивные способности как ее членов, так и самой общины в целом, которая, обладая полной хозяйственной автономией, не нуждалась ни в углублении, ни в расширении связей с кем-либо. В кочевом обществе самой авторитетной, общепризнанной формой социальной связи были кровнородственные связи. Кочевые кыргызские роды адаптировались в лучшем случае друг к другу, да и то в том случае, если они объединялись в племена. Межплеменные союзы, периодически создававшиеся кыргызами с целью совместной борьбы со значительными внешними угрозами, как правило, рассыпались, как только угрозы исчезали. Таким образом, кыргызские роды, по сути, не нуждались друг в друге.

С другой стороны, низкий экономический потенциал кыргызов, тупиковые с точки зрения способности к эволюции, кочевые формы хозяйствования вынуждали их приспособляться к существующим природным условиям, которые преимущественно не были благоприятными [1].

Кыргызы за всю свою долгую историю практически всегда были малочисленным

народом, что, конечно, определенным образом влияло на их адаптационные способности и практику. Немногочисленность кыргызских родов вынуждала их искать защиты от своих более многочисленных и могущественных соседей в складках местности. Естественно, горы в этом отношении были наиболее удобным ландшафтом, в котором можно было легко укрыться, спрятаться от преследователей: «Кочевой образ жизни, связанный с горами, можно рассматривать как особый тип сложной, самоорганизующейся эволюционной системы “человек и горы”. Горы являются не только необходимым условием жизни кочевника, но и могут оказывать воздействие, по утверждению Ш. Монтескье, как на формы правления, так и на мышление номада. С точки зрения теории систем кочевое общество, возникшее в горах, может включать в себя автономные элементы в виде отдельных сообществ в межгорных впадинах и в то же время быть составной частью другой системы или сетевой структуры, например, этнической, суперэтнической, такой, как тюркская, или более широкой общности, такой как советский народ, – с ними имеется бесконечно разнообразная форма связи, осуществляющаяся на всех уровнях. В горных условиях человек, чтобы выжить, вынужден непрерывно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Эта особенность в определенной степени, думается, лежит в основе самобытной духовной культуры кыргызов, связанной с быстрой адаптацией» [2].

Природная среда, в которую необходимо было вписываться, действительно способствовала развитию адаптивных способностей кыргызов. И поскольку данная среда отличалась относительным разнообразием, обусловленным вертикальной климатической и ландшафтной градацией или, другими словами, сложным горным рельефом, то она усиливала адаптивные способности кыргызов, причем, по всей видимости, определенным образом и социально-культурные адаптивные черты. Кыргызы в отношениях с природой придерживались абсолютно адаптационного принципа, т.е. они всегда встраивались в природную среду и поэтому, естественно, ни в индивидуальном, ни в массовом кыргызском сознании не могла возникнуть идея господства над природой.

Конечно, социально-культурная адаптация и адаптация к природной среде далеко не тождественны друг другу, они относятся к явлениям разного качества и порядка. Однако между ними существует определенная внутренняя связь. И в том и в другом случае процесс адаптации опирается на определенный тип субъекта, который, вписываясь либо в природную, либо в социально-культурную среду, адаптируется более или менее успешно, в зависимости от предшествующего опыта, объема, характера и качества знаний, степени и характера внешнего давления, темперамента, степени привязанности к собственным культурным корням и ценностям и т.д. Умение субъекта быстро и безболезненно вписываться в определенные природные условия предполагает его способность вписываться относительно быстро и безболезненно, приспосабливаться и к определенным социально-культурным условиям, если эти условия, конечно, не содержат в себе угрозы для его благополучия и жизни. Однако «предполагает» не означает еще, что данная способность к адаптации получит развитие и будет непременно реализована. Здесь многое зависит от конкретных исторических условий, в которых возник и в дальнейшем развивался этнос [3].

Усилению и расширению адаптивных способностей кыргызов способствовали некоторые исторические обстоятельства, проявившиеся в необходимости и реальных фактах вовлечения в кыргызские кочевые роды и племена на стадии их возникновения и формирования инородных общностей. Этническая неоднородность кыргызского традиционного общества, несомненно, способствовала развитию среди кыргызов такого качества, как толерантность, которая является одним из ярких и убедительных показателей высокой адаптивности кыргызов к социокультурной реальности. С другой стороны, хозяйственно, психологически и культурно автономное, самодостаточное, кыргызское традиционное общество было замкнуто не только в определенном физическом пространстве, ограниченном территорией его проживания, но и культурном. Одной из важных, сущностных черт данного культурного пространства было то, что в

силу абсолютного хозяйственного консерватизма кочевой общины, ее чрезвычайно низкого инновационного потенциала время в нем на уровне психологического восприятия субъектов воспринималось не как линейное, т.е. текущее от прошлого к будущему через настоящее, а циклично, т.е. постоянно возвращаясь к некоторой условной исходной точке. При таком течении времени само культурное пространство тоже как бы вращалось вокруг одной и той же точки, не подвергаясь сколько-нибудь значительным трансформациям и сохраняя таким образом свое постоянство.

Необходимость интенсивной психологической и культурной адаптации, которой кыргызам удавалось избегать длительный исторический период, значительно актуализировалась после присоединения кыргызских территорий к Кокандскому ханству. Наиболее существенное влияние культуры оседлых народов Кокандского ханства на кыргызскую культуру сказалось и в том, что часть кыргызов, главным образом на юге Кыргызстана, перешла к оседлому, либо к полuosедлому образу жизни, что, конечно, не могло не сказаться как на психологии, так и на культуре кыргызов, которые, оседая на земле, должны были со временем стать оседлым народом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако каким бы значительным не было влияние культуры оседлых народов Кокандского ханства на культуру и психологию кыргызов, оно не распространялось на основу кыргызского общества, которое состояло в глубокой приверженности данного общества традиционализму, поскольку культура оседлых народов ханства также была по своей сути глубоко традиционалистским. Вовлечение кыргызского этноса в Российское государство, которое относилось к иной, индустриальной по своей сути, цивилизации привело к наиболее значительным изменениям, которые кыргызы испытали за всю свою долгую историю, причем это относится в равной мере как к их культуре, так и психологии. Новые обстоятельства вынуждали кыргызов быстро адаптироваться к ним [4].

Присоединение Кыргызстана к России сыграло наиболее значительную роль в судьбе кыргызского народа за всю его долгую и трудную историю. С момента вторжения Российской империи на территорию Центральной Азии в регионе начался процесс радикальной трансформации культурного пространства, затронувший цивилизационные основы бытия традиционных обществ, населявших регион. Советский период истории, несмотря на ряд его существенных формальных отличий от царского, тем не менее по своей сути является продолжением российско-европейской истории, которую можно в целом охарактеризовать как попытку индустриальной цивилизации преобразовать традиционную. Российское государство, присоединив к себе Центрально-азиатский регион, не могло и не намеревалось мириться с наличием у себя слишком разнородных по культуре и мировоззрению народов. Полная правовая, политическая и экономическая унификация была жизненно важным условием для дальнейшего существования и укрепления империи. Однако данная унификация не могла происходить без того, чтобы не затрагивать основ культуры народов, которые, в конечном счете, должны были быть ассимилированы в российской культуре, четко ориентированной на индустриальное, урбанистическое развитие и поэтому отрицавшей традиционализм, несмотря на сохранение в ней многих традиционных элементов.

Россия царского периода, целенаправленно проводившая ассимиляторскую политику, по сути, не предоставляла кыргызскому народу никакой другой перспективы, кроме полной культурной ассимиляции. Революция 1917 года придала процессу культурной ассимиляции кыргызского народа совершенно иную форму. Русский народ, составлявший костяк Советского государства, при любых обстоятельствах проводил национальную политику, даже если она осуществлялась на формальных основах интернационализма. Для кыргызского народа это могло означать и означало на деле продолжение процесса ассимиляции, начатого еще во времена царизма. Однако в силу существенной разницы между советской и царской Россией в их государственном, социально-экономическом и политическом устройстве процесс культурной ассимиляции кыргызского этноса происходил в относительно мягкой и в гораздо более приемлемой

форме, чем это было в царское время. Процесс адаптации под новые экономические и социально-политические условия был существенно облегчен тем, что степень дифференциации в кыргызском обществе по имущественному признаку была незначительна; богатые же составляли весьма небольшую часть кыргызского населения. Кроме того, адаптации кыргызов к новым условиям способствовало то очень важное обстоятельство, что население страны в годы тоталитарного правления ориентировалось на нормы коммунистической коллективистской морали, официально провозглашавшие примат семьи, общины, класса, государства перед отдельной личностью, что не противоречило традиционным ценностям и принципам родоплеменных отношений. Характерно, что исходные морально-этические и нравственные нормы и принципы кыргызского этноса не только не находились в противоречии с коммунистическими принципами общественного бытия, но и по многим важным, основополагающим позициям совпадали, что, конечно, значительно облегчало процесс психологической и культурной адаптации кыргызов [5].

Определяющим фактором в судьбе кыргызского народа в советский период его истории стал тот факт, что Россия стояла на более высокой общественной и социально-экономической ступени развития, и при этом она стремилась поднять периферию в лице национальных республик до приемлемого уровня в плане их экономического и социального развития, видя в этом гарантию их политической благонадежности. Процесс аккультурации и ассимиляции, по мнению идеологов и руководства советского государства, мог проходить наиболее эффективным образом в случае установления социального однообразия в огромной стране, способного раз и навсегда исключить социально-экономическое противостояние и конфликты. Следует уточнить, что непосредственной целью советского государства в лице его метрополии не была ассимиляция народов в единой советской культуре, которая на деле была лишь трансформированной русской культурой. Главной целью было, конечно, построение коммунизма.

Для того, чтобы преодолеть родоплеменной этап своего развития, который был явным анахронизмом, кыргызам необходимо было в кратчайшие исторические сроки перейти к оседлой форме жизни и образовать собственную государственность. И то, и другое было осуществлено именно в советское время. В советское время произошли кардинальные изменения в культуре кыргызов. В течение нескольких десятилетий целиком перешли к оседлости. Был создан хозяйственный комплекс. Часть кыргызов была вовлечена в городские формы жизни, и согласно данному обстоятельству стала изменяться их психология. В практику и в массовое сознание была внедрена советская формальная система права, которая, несмотря на все свои изъяны, была более совершенной обычной системы права и, главное, была вполне пригодна для обслуживания государственных форм жизни. Традиционная кыргызская среда была подвергнута значительным изменениям, и в ней появились новые сословия и классы. Возникла кыргызская интеллигенция и бюрократия, без которых невозможны современное государственное строительство и нормальная деятельность государства. Были созданы полноценная система образования, медицинского обслуживания и многое другое. Таким образом, то, что требовало для собственного воплощения обычным, эволюционным, не форсированным путем несколько веков, в условиях советского государства было создано за несколько десятилетий.

Однако советская модернизация носила незавершенный характер. Государственный патернализм, свойственный советской социально-политической и экономической системе, сосредоточенность подавляющего большинства кыргызов в сельской местности способствовали определенной консервации традиционного уклада в кыргызской среде и всего того, что было связано с данным укладом, в частности, определенного психологического типа, который, будучи сельским, был одновременно традиционным психологическим типом. Проживание большинства кыргызов на селе, обусловившее их приверженность традиционным формам жизни, значительно затрудняло вовлечение

кыргызов в промышленное производство, а с ним в городскую промышленную культуру. С другой стороны, очевидно, что именно приверженность традиционным формам жизни затрудняла процесс ассимиляции кыргызского этноса и его культуры [6].

После обретения суверенитета Кыргызстан, с его аграрной экономикой, вынужден был, учитывая общемировые тенденции и экономическое господство развитых капиталистических государств – лидеров процесса глобализации, проводить политику, направленную на создание рыночной экономики. Руководством республики была избрана социально-ориентированная модель развития рыночной экономики, включающая в себя рынок товаров и услуг, финансовый рынок и рынок труда, развитый институт частной собственности на средства производства, экономические и политические свободы и юридическую систему, обеспечивающую нормальное, бесперебойное функционирование рынка и защиту прав производителей и потребителей товаров и услуг на правовой базе. Однако ориентированность на данную модель вовсе не означала, что в стране существуют соответствующие условия для создания данной модели.

Новые экономические условия формируют характерные для рыночной экономики тенденции, к которым традиционализм и свойственный ему психологический тип оказывается часто недостаточно приспособленным. В настоящее время все более выраженной становится поляризация, несовместимость утверждаемых стандартов поведения и ценностей с традиционными стереотипами, нормами и ценностями, что дезориентирует, дезорганизует общество, создает определенное психологическое напряжение. В таких условиях отрицается не только прежний экономический порядок, но и все, что было тем или иным образом связано с ним, отрицаются привычки, ценности и образ жизни значительного числа людей. Чрезвычайно быстрая с точки зрения исторического времени смена общественно-экономической формации, неодинаковая степень образования у различных групп населения республики, различный уровень их адаптивности в зависимости от возраста, этнической принадлежности, места проживания и т. д. – все это вместе привело к тому, что в настоящее время в сознании кыргызстанцев содержатся фрагменты различных исторических типов сознаний, а именно традиционного, советского и постсоветского.

Кыргызы, не располагая серьезными конкурирующими системами связи традиционной системе, до сих пор уделяют большое внимание родовой и клановой принадлежности. В условиях экономического спада, обеднения большей части населения республики принадлежность к тому или иному клану выступает на первый план, особенно когда речь идет о распределении экономических и социальных благ. Клановость, поскольку кыргызские племенные сообщества проживают на конкретных территориях, с неизбежностью приобретает и региональный характер. Таким образом, к родственной социально-экономической, политической и культурной доминанте присоединяется и географический фактор, обусловленный относительной компактностью проживания родов, племен. Трайбализм и регионализм в условиях современного Кыргызстана в силу предшествующего исторического опыта, традиций, относительно высокого уровня рождаемости, преобладания сельского населения над городским, низкого уровня жизни и т.д. стали неизбежными явлениями. Общество, в котором сохраняются элементы традиционализма, само и порождает из самого себя же систему и практику трайбализма. Реальное устранение трайбалистского фактора и тенденций во всех значимых сферах общественной жизни возможно только в условиях урбанизированного общества, в котором городское население ощутимо преобладает над сельским, городская культура доминирует над сельской. Что же касается современной ситуации, то мы являемся свидетелями того, как целая родоплеменная в своей основе система адаптируется к современным условиям, процессам, общее направление которых в целом определяется глобальными экономическими и культурными процессами. С другой стороны, в силу того, что Кыргызстан давно уже втянут в процесс глобализации, что достаточно очевидно просматривается в сфере культуры. О характере и интенсивности воздействия данного пространства на культуру и психологию кыргызов достаточно объективно можно судить

по изменению системы ценностей в кыргызском обществе, особенно же в молодежной среде.

Существенное воздействие на изменение психологии и культуры кыргызов оказывает процесс внешней и внутренней миграции. Часть кыргызов выезжает на постоянное место жительства, главным образом, в Россию и Казахстан со всеми вытекающими из этого последствиями. Что же касается внутренней миграции, то определяющей чертой в ней является то, что в нашей стране происходит процесс резкой урбанизации за счет переселения граждан в города, главным образом, в г. Бишкек. С 1991 года в стране урбанизации подверглось около 1 миллиона человек. Нетрудно сделать вывод, что процесс урбанизации объективно способствует разрушению традиционной кыргызской культуры с характерным для нее набором ценностей и свойственным ей традиционным психологическим типом.

Литература:

1. *Акмолдоева Ш.Б.* Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас». – Бишкек, 1996.
2. *Байбосунов А.* Донаучные представления киргизов о природе и обществе. – Бишкек, 2009.
3. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Общие вопросы. – М., 1988.
4. *Джамгерчинов Б.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. – Фрунзе, 1963.
5. *Жумагулов М.* Онтология экологической этики. – Бишкек, 2010. - С. 12.
6. *Какеев А.Ч.* О философии гор // Горы Кыргызстана. – Бишкек, 2001. – С. 26.